

УДК 34**Принцип правовой определенности в сфере уголовного права.
Российский подход****Бизюков Глеб Максимович**

Магистрант,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: Bizyukov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена раскрытию понятия и содержания принципа правовой определенности, а также подходов к его пониманию в российской и зарубежной науке. В работе также дается анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, касающихся понимания принципа правовой определенности применительно к уголовному праву, рассматривается процесс формирования позиции, изменения, начиная с 1995 года и заканчивая современными актами органа конституционной юстиции. Сопоставление понимания принципа правовой определенности в науке российского права, позициях Венецианской комиссии и решениях Конституционного Суда РФ приводит к выводу о наличии существенных различий между ними и необходимости формализации рассматриваемого принципа в российском законодательстве, в том числе в уголовно-правовых нормах. Предлагается дополнить Федеральный закон РФ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» положениями, определяющими содержание принципа правовой определенности, в целях унификации применяемых подходов.

Для цитирования в научных исследованиях

Бизюков Г.М. Принцип правовой определенности в сфере уголовного права. Российский подход // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 12А. С. 299-311.

Ключевые слова

Правовая определенность, конституционное право, Конституционный Суд РФ, принцип равенства.

Введение

В основе системы современного права лежат принципы – основополагающие идеи, содержание которых зачастую крайне абстрактно. Являясь базовыми правилами, позволяющими функционировать правовой системе, они одновременно ограничивают право, не позволяя ему выходить за неписанные, но общепринятые рамки.

Одним из важнейших является принцип правовой определенности, который заключается в необходимости соответствия правовых норм требованиям доступности понимания, а также прогнозируемости для субъектов права наступления последствий соблюдения или несоблюдения правовых предписаний. В то же время в научной литературе, посвященной данному принципу, констатируется, что дать его точное определение практически невозможно [Tridimas, 2000, 164].

Значение принципа правовой определенности учеными не подвергается сомнению. Еще известный дореволюционный правовед И.А. Покровский указывал, что «первым требованием развивающейся личности к правопорядку является требование определенности права» [Покровский, 1998, 106].

Правовая определенность является так называемым неписанным конституционным правом [Должиков, 2014, 120-137], как правило, напрямую не отраженным в тексте национальных основных законов. Это можно увидеть, например, в Основном законе ФРГ 1949 года [Основной закон Федеративной Республики Германии 1949 года, [www](#)] или Конституции Республики Сербия 2006 года [Конституция Республики Сербия 2006 года, [www](#)], где указанный принцип не упоминается вовсе.

Исключением являются лишь некоторые конституционные акты. Так, в Конституции Республики Армения 1995 года закреплено требование правовой определенности к подзаконным нормативным актам, издаваемым государственными органами (ст. 6) [Конституция Республики Армения 1995 года, [www](#)], а в Конституции Республики Португалии 1976 года правовая определенность положена в основание одного из полномочий Конституционного Суда (ч. 4 ст. 282) [Конституция Республики Португалия 1976 года, [www](#)].

Представляется, что отсутствие конституционного регулирования правовой определенности обусловлено сложностью его текстуального определения, о которой говорились ранее.

Основная часть

Зарубежная теория права выводит принцип правовой определенности (legal certainty) из принципа верховенства права (rule of law) [Maheiner, 2008], отмечая, что его значение настолько велико, что его можно отнести, несмотря на отсутствие прямого закрепления, к общим принципам права Европейского союза [Raitio, 2013, 127]. Интересно мнение М. Кордела, который указывает, что принцип правовой определенности должен рассматриваться как коллективный принцип, то есть состоящий из множества детализирующих его положений-принципов, охватывающих наиболее важные, но не все элементы определенности права [Kordela, 2008, 598].

Толкование указанного принципа впервые было дано Венецианской комиссией в докладе о верховенстве права (п. 44, 46) [Доклад о верховенстве права, [www](#)] и в целом было принято правовой наукой [Алаторцев, 2018, 42].

Степень реализации правовой определенности в европейской практике оценивается в

соответствии с исследованием № 711/2013 [Контрольный список вопросов..., [www](#)], принятом на 106-м пленарном заседании Венецианской комиссии. В нем предложен перечень контрольных вопросов, которые, по замыслу авторов, должен обеспечить механизм оценки соблюдения верховенства права в «конкретной стране с точки зрения ее конституциональной и правовой структуры» (п. 24).

Венецианская комиссия выделила восемь основных элементов правовой определенности: доступность законодательства (1), доступность решений судов (2), предсказуемость законов (3), стабильность и последовательность закона (4), правомерные ожидания (5), отсутствие обратной силы (6), принципы *nullum crimen sine lege* и *nulla poena sine lege* (7), *res judicata* (8). Стоит отметить, что данные элементы являются основополагающими, однако не исчерпывающими (п. 30).

Разработка основных элементов правовой определенности Венецианской комиссией осуществлялась в начале 2010-х годов, к этому времени в национальных правовых системах сложилось собственное понимание правовой определенности, и Россия не стала исключением.

В нашей стране принцип правовой определенности, как и в зарубежных странах, прямо не закреплен в Конституции. Впервые он появился в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 года № 03-П, в котором указывалось, что «возможность произвольного понимания и применения норм закона является нарушением конституционно признанного равенства всех перед законом и судом ... поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями» [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 03-П от 25.04.1995, 1995]. В настоящее время Конституционный Суд РФ распространяет действие принципа правовой определенности на всю систему законодательства и все сферы правоприменения [Методологические аспекты конституционного контроля, 1995], в том числе на уголовное право.

Подход, избранный Конституционным Судом РФ, значительно отличается от общепринятого толкования правовой определенности, что может быть проиллюстрировано обращением к нормативному и научному пониманию принципу равенства. Всеобщая декларация прав и свобод человека [Всеобщая декларация прав человека, [www](#)], являющаяся ключевым документом в системе защиты прав человека, уделяет указанному принципу значительное внимание: преамбула, ст. 1, 2, 7 и др.

В современной юридической науке сложился практически единодушный подход к пониманию рассматриваемого принципа. Так, Д. Асемоглу (D. Acemoglu) и А. Волицкий (A. Wolitzky) определяют его как идею, закрепляющую положение, при котором «никто не стоит выше закона» [Acemoglu, Wolitzky, 2021, 1429-1465]. Д. Робертсон (D. Robertson) определяет равенство как «равенство возможностей», означающее запрет на дискриминацию де-юре по любому признаку [Robertson, 2004, 70].

Российские ученые солидарны с зарубежными исследователями. Так, Г.Н. Комкова предлагает понимание равноправия (смежное понятие с общим термином равенства) как «равенство людей в их человеческом достоинстве ... равные права и свободы, зафиксированные в международных документах и основных законах государств [Комкова, 2002, 8]». Аналогичное мнение высказал С.А. Авакьян [Авакьян, 2015, 551]. В.С. Нерсисянц определял равенство как конструирующий признак права [Нерсисянц, 2006, 30-47].

В Конституции Российской Федерации [Конституция Российской Федерации 1993 года, [www](#)] принцип равенства нашел отражение во второй главе. Ключевой является ст. 19, непосредственно посвященная указанному принципу, однако вопрос равенства затрагивается и

в иных нормах, закрепленных в ч. 2 ст. 6 (равенство прав граждан), ч. 1 ст. 29 (право на свободу слова и мысли), ч. 1 ст. 30 (право на участие в объединениях), ч. 2 ст. 45 (право на защиту прав и свобод любыми незапрещенными способами) и др. Как верно отмечает Н.С. Бондарь, «требование равенства наличествует также в каждом в отдельности основном праве и каждой свободе» [Зорькин, 2011, 204].

Требование равенства в российском правопорядке выступает общим конституционным критерием оценки законодательного регулирования и, более того, одним из наиболее используемых в позициях Конституционного Суда РФ. Как отмечается в Комментарий к Конституции РФ, «КС РФ весьма широко задействует нормативный потенциал статьи 19 Конституции ... при решении вопроса о соответствии проверяемых нормативных актов (Конституции Российской Федерации – *прим. автора*)» [там же].

На основании изложенного можно сделать вывод об универсальности принципа равенства для российского права. Статья 19 Конституции РФ нашла свое отражение практически во всех отраслевых законах, регулирующих правоотношения¹.

Выступая чрезвычайно важной для целей правового регулирования во всех отраслях права, в уголовном праве правовая определенность приобретает особую значимость. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, уголовное законодательство является по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 02-П от 18.01.2024, 2024;]². Следовательно, любой запрет, устанавливаемый уголовным законодательством, должен быть сформулирован с учетом требований определенности.

Необходимость повышенной определенности уголовно-правового запрета отмечается в работах В.П. Кашепова [Кашепов, 2018], Д. Брейтвэйя (Braithwaite J.) [Braithwaite, 2020, 47-82] и М. Корделы (Kordela M.) [Kordela, 2008, 587-605]. Э.Е. Бершицкий [Бершицкий, 2021, 74-76] выделяет следующие факторы, доказывающие необходимость максимально возможной определенности уголовно-правовых норм: их ограничительный (императивный) характер (1), природа уголовного закона как *ultima ratio* (2), серьезные издержки при привлечении к ответственности невиновного (3), устрашающее воздействие, производимое уголовным правом на граждан (4).

Большинство работ, рассматривающих вопрос равенства в уголовном праве, трактуют этот принцип буквально, как равенство граждан по отношению к уголовной ответственности. Иными словами, если в действиях лица имеется состав преступления, то данные о его личности не могут послужить основанием для нереализации уголовной ответственности [Дядюн, 2015, 156-168]. Даже рассматривая указанный принцип во взаимосвязи с конституционными положениями, в российской науке уголовного права принято анализировать проблемы, связанные с буквальным толкованием принципа равенства: например, различное применение уголовного закона в отношении лиц разных полов или лиц, обладающих иммунитетом [Дмитриев, Донская, 2021, 148-155].

¹ Принцип равенства закреплен в статье 4 УК РФ, статье 1.4 КоАП РФ, пункте 1 статьи 3 НК РФ и других федеральных законах.

² Данный подход основывается на сложившейся теории уголовного права как *ultima ratio*, характерной как для России, так и для зарубежных стран.

В редких исследованиях, непосредственно посвященных конституционным основам уголовного права, требование ясности, четкости и недвусмысленности уголовного закона (что по сути и является правовой определенностью) не признается элементом принципа равенства. В работе С.А. Антипова применительно к принципу равенства поднимаются вопросы равных оснований для привлечения к уголовной ответственности, а также равенства граждан перед законом и судом [Антипов, 2012, 47].

Стоит отметить, что аналогичное понимание равенства в уголовном праве доминирует и в зарубежных работах [Whitman, 2009, 119-165].

Учитывая сказанное, возникает закономерный вопрос: почему российская правовая доктрина, в том числе отраслевая, не замечает разработанных Конституционным Судом подходов к пониманию принципа равенства? Ответ, по нашему мнению, заключается в имеющемся разрыве между конституционным правом и отраслевыми правовыми науками.

Можно согласиться с А.В. Елинским, который, отмечая правдивость данного утверждения применительно к отрасли уголовного права, обращает внимание на ряд причин: изолированное изучение уголовного права (1), недостаточное внимание к исследованию фундаментальных научных работ по истории и теории права в аспекте их влияния на уголовное право (2) и, указанное выше, пренебрежение конституционным текстом, определение его как сугубо декларативного (3) [Елинский, 2012, 159-176].

При этом несправедливо говорить о полном игнорировании рассматриваемой проблемы, определенные подходы присутствуют, например, в работах А.В. Жигачева [Жигачев, 2006], А.В. Елинского и др. Особое значение конституционным основам придавал А.Э. Жалинский [Жалинский, 2003, 37-45].

Необходимость правовой определенности применительно к уголовно-правовым нормам в решениях Конституционного Суда РФ впервые была отмечена судьей А.Л. Кононовым. В особых мнениях по постановлениям № 17-П от 20 декабря 1995 года [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 17-П от 20.12.1995, 1996] и № 06-П от 25 апреля 2001 года [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 06-П от 25.04.2001, 2001] он обращал внимание на то, что неопределенность норм права противоречит «общим принципам права и принципам уголовного права в частности», допуская расширительное толкование уголовно-правового запрета. Кроме того, такие нормы характеризовались им как «дефектные».

Первым решением Конституционного Суда РФ, в котором рассматриваемый принцип послужил основой для жалобы, можно считать Постановление № 09-П от 27 мая 2003 года. В жалобе указывалось, что формулировка статьи 199 УК РФ содержит указание на «иной», нераскрытый, способ уклонения от уплаты налогов. Правоприменительная практика, сложившаяся на тот момент, допускала привлечение к уголовной ответственности лиц даже за получение на законных основаниях налоговых льгот, позволяющих уплачивать в федеральный бюджет меньше налогов, чем предполагалось. Заявители указывали, что это в силу неопределенности нормы, допускающей произвольное истолкование спорного положения, ограничивало их права и делало возможным привлечение их к уголовной ответственности за формально легальное действие.

Оценивая конституционность статьи 199 УК РФ в оспариваемой части, судьи Конституционного Суда РФ впервые применили принцип правовой определенности, выработанный ими восьмью годами ранее в Постановлении № 03-П от 25 апреля 1995 года, указав, что «запреты и иные установления, закрепляемые в законе, должны быть определенными, ясными и недвусмысленными», поскольку обратная ситуация была бы

нарушением принципа равенства и верховенства закона, указав, однако, на необходимость анализа степени неопределенности не только исходя из самой нормы, но и из ее места в системе нормативных предписаний. Тем самым впервые было закреплено требование правовой определенности норм уголовного права.

В дальнейшем Конституционный Суд РФ закрепил указанный подход в постановлениях № 08-П от 27 мая 2008 года [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 08-П от 27.05.2008, 2008] и № 15-П от 13 июля 2010 года [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 15-П от 13.07.2010, 2010], посвященных определенности правил таможенного контроля и связанной с их нарушением ответственностью. В обоих случаях заявители были привлечены к ответственности за провоз через государственную границу Российской Федерации незадекларированных ценностей (в случае № 08-П – денежных средств в иностранной валюте; № 15-П – ценных вещей). Квалифицирующим признаком в обоих случаях выступала стоимость провозимого имущества, которая исчислялась правоприменителем. При этом метод подсчета – с учетом разрешенной к провозу части или без таковой – определялся также правоприменителем.

Конституционный Суд РФ, рассматривая жалобы, отметил важность четкого определения признаков правонарушения при установлении уголовной ответственности, указав, что, поскольку уголовная ответственность является крайним средством реагирования на правонарушения (*ultima ratio*), правовая определенность выступает гарантией обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности. Нарушение указанного требования законодателем будет свидетельствовать о нарушении общих принципов права, в том числе принципа справедливости, принципа равенства и принципа соразмерности.

В Постановлении № 08-П орган конституционного контроля также указал, что правовая определенность является элементом общего принципа верховенства права. Впрочем, это осталось исключением из общей позиции Конституционного Суда РФ в сфере уголовного права.

Кроме того, отсутствие определенности закона свидетельствует о нарушении принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege*, закрепленного в ч. 2 ст. 54 Конституции РФ, поскольку признаки преступления, установление которых необходимо для привлечения к уголовной ответственности, будут определяться по усмотрению правоприменителя.

Правильным, по мнению Конституционного Суда РФ, было бы определение четких правил, устанавливающих порядок определения стоимости незадекларированных ценностей, ввезенных в Российскую Федерацию (а следовательно, признаков преступления), устранив тем самым неопределенность закона.

Интерес представляет позиция, высказанная в Постановлении № 22-П от 16 июля 2015 года [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 22-П от 16.07.2015, 2015]. В жалобе, принятой к рассмотрению Конституционным Судом РФ, заявитель указывал на отсутствие в отраслевом законодательстве Российской Федерации и актах Таможенного Союза в рамках ЕврАзЭС определенного порядка перемещения сильнодействующих веществ (в конкретном случае – тестостерона), что создавало ситуацию, при которой невозможно разграничение между преступлением и формально легальным перемещением таких веществ через государственную границу.

Как видно из представленной позиции, неопределенность, содержащаяся в нормативных правовых (в том числе подзаконных) актах, регулирующих отношения в рамках иных, не связанных с уголовной, отраслей, приводила к тому, что уже при применении нормы особенной части УК РФ возникала неопределенность.

Разрешая возникшую правовую проблему, Конституционный Суд РФ отметил, что, несмотря на то, что бланкетные отсылки допустимы при формулировании положений уголовного закона, законодателю следует в каждом случае, помимо анализа текста нормы, анализировать ее определенность в системе правовых предписаний, в том числе не относящихся напрямую к отрасли уголовного права.

Таким образом, к 2015 году Конституционный Суд РФ сформулировал основные подходы к пониманию правовой определенности в уголовном праве, используя их для оценки конкретных норм особенной части УК РФ.

Окончательная формализация требований к уголовно-правовой норме, в том числе относительно ее определенности, была закреплена в Постановлении № 02-П от 10 февраля 2017 года [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 02-П от 10.02.2017, 2017]. В данном акте Конституционным Судом РФ был сформулирован «тест» на соответствие Конституции РФ ответственности, устанавливаемой федеральным законодательством. Он содержит в себе, помимо прочего, синтез позиций органа конституционной юстиции по вопросам особенной части уголовного закона, выразившихся им на протяжении всего времени существования. Сам факт установления подобных критериев уже необходимо признать позитивной тенденцией.

Из пяти пунктов указанного «теста» два посвящены требованию правовой определенности норм. Разберем их подробнее, расположив их в порядке значимости.

Первый пункт (абз. 4 п. 3) прямо содержит требование определенности формулирования правонарушения и санкции за его совершения в законе с такой степенью четкости, чтобы, «исходя из непосредственно текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия)». В ином случае, по мнению Конституционного Суда РФ, нарушался бы принцип равенства, закрепленный в ч. 1 ст. 19 Конституции РФ.

Несмотря на некоторые отступления от своей первоначальной позиции в более поздних постановлениях, Конституционный Суд РФ снова, как и в 1995 году, выразил правовую определенность через принцип равенства, а не через более релевантное в этом отношении верховенство права. Понимание причин данного решения лежит вне рамок настоящего исследования.

Во втором рассматриваемом пункте «теста» (абз. 3 п. 3), уточняется, что в случае наличия исключений из общепризнанного принципа вины такое исключение должно быть явно и недвусмысленно предусмотрено в законе. Данное положение относится к уже упоминавшемуся ранее принципу *nullum crimen, nulla poena sine lege* и напрямую исходит из положений ч. 2 ст. 54 Конституции РФ. Указанное свидетельствует о том, что Конституционный Суд РФ признал требование правовой определенности уголовно-правовой нормы столь же важной, как, например, требование соразмерности.

Постановление № 02-П от 10 февраля 2017 года можно считать своеобразным руководящим решением («binding decision»). Указанный «тест» стал в неизменном виде появляться в значительном числе последующих актов Конституционного Суда РФ, затрагивающих вопрос соблюдения правил установления уголовной ответственности: постановлениях № 17-П от 25 апреля 2018 года [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 17-П от 25.04.2018, 2018], № 21-П от 24 мая 2021 года [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 21-П от 24.05.2021, 2021] и др.

В одном из последних решений (Постановление № 01-П от 11 января 2024 года [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 01-П от 11.01.2024, 2024])

Конституционный Суд РФ уточнил соотношение принципов правовой определенности и *nullum crimen, nulla poena sine lege*. Так, ранее он занимал позицию, согласно которой правовая определенность и *nullum crimen, nulla poena sine lege* находились на одной ступени в иерархии «общих принципов юридической ответственности». Такая позиция была высказана, например, в постановлениях № 20-П от 10 октября 2013 года [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 20-П от 10.10.2013, 2013], № 18-П от 17 июня 2014 года [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 18-П от 17.06.2014, 2014], № 53-П от 08 декабря 2022 года [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 53-П от 08.12.2022, 2022] и др. Новая позиция состоит в том, что принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* конкретизирует принципы юридического равенства (т.е. правовой определенности) и конституционной законности применительно к уголовному праву.

Резюмируя позиции Конституционного Суда РФ, можно выделить следующее.

Во-первых, начиная с 1995 года, а в сфере уголовного права – с 2003 года, Конституционный Суд РФ последовательно занимает позицию отнесения принципа правовой определенности к принципу равенства. Основная аргументация сводится к тому, что неопределенность правовых норм влечет их неоднозначное применение, а значит различное применение нормы к разным субъектам права, а это недопустимо исходя из принципа равенства.

Во-вторых, норма, устанавливающая ответственность, должна быть определена в законе в той степени, чтобы, исходя непосредственно из текста закона, а в случае необходимости – с помощью толкования, данного ей судами, каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия).

В-третьих, оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя из их места в системе нормативных предписаний.

В-четвертых, принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* имеет двойственное толкование в практике Конституционного Суда РФ. Доминировавшая до последнего времени позиция ставила его на один уровень с требованием правовой определенности, однако сейчас вопрос вновь актуализировался. В настоящее время сложно говорить о превалирующем значимости новой позиции, однако она заслуживает внимания.

Таким образом, Конституционным Судом РФ сформулирован общий подход к определению принципа правовой определенности через принцип равенства, и, несмотря на единичные случаи иного толкования, утверждать о существовании отличающегося подхода в его практике не приходится.

Заключение

В качестве итога отметим, что в российском праве сложилось собственное понимание принципа правовой определенности в сфере уголовного права. В то же время, введя его в российскую правоприменительную практику, Конституционный Суд Российской Федерации ограничил его действие. В частности, в отличие от подходов, используемых в зарубежной доктрине и практике, ряд таких важных элементов, как последовательность и стабильность законодательной деятельности, остались без внимания.

В ряде постановлений, посвященных иным отраслям права, критерии последовательности и стабильности законодательной деятельности применяется (главным образом, по налоговым спорам), однако применительно к уголовному праву можно привести лишь одно такое решение – Постановление № 39-П от 08 декабря 2017 года [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 39-П от 08.12.2017, 2017].

При этом следует заметить, что в общих чертах российский и зарубежный подходы совпадают. В частности, выделяются такие схожие элементы, как доступность законодательства и судебной практики, запрет обратной силы закона и реализация принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege*.

Главной проблемой является единая практика реализации рассматриваемого принципа во всех отраслях права, что особенно ярко проявляется в уголовном праве, как на уровне судебной практики, так и доктрины. Конституционным Судом Российской Федерации общеправовому содержанию принципа правовой определенности уделяется мало внимания. Российские исследователи в сфере уголовного права в подавляющем большинстве случаев не видят проводимой органом конституционной юстиции взаимосвязи между равенством и правовой определенностью, предпочитая рассматривать равенство в узком буквальном смысле.

В то же время важные шаги в сторону реализации принципа правовой определенности сделаны. В настоящее время он начинает занимать важное место в ряду требований к содержанию нормы права, в том числе уголовного, а распространение требований определенности на сферу правоприменения свидетельствует о положительной динамике в рассматриваемой области.

Несмотря на это, минусов от избранного Конституционным Судом РФ подхода больше, чем плюсов. Принцип равенства не имеет отношения к правовой определенности. Равные условия для субъектов права могут быть обеспечены только при единообразном понимании нормативных правовых актов. Но аналогичные выводы можно сделать относительно других принципов, закрепленных в Конституции. Разве может быть демократическое государство без законов, написанных с высокой степенью определенности, или возможно ли обеспечить защиту прав граждан без четких и непротиворечивых норм?

Подход, предполагающий определение правовой определенности как элемента верховенства права, по нашему мнению, позволяет учесть все сферы действия анализируемого принципа, а выработанные Венецианской комиссией предложения являются тщательно проработанным.

Полагаем, что для российского нормотворчества целесообразно использовать наработанные зарубежной практикой подходы, что позволило бы в течение короткого периода распространить все элементы, заложенные в правовую определенность, на систему права в целом, а не на отдельные отрасли. Первым шагом в этом направлении могло бы стать внесение изменений в Федеральный закон «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» [Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ, 1996], который устанавливал ряд переходных положений при введении в действие УК РФ. В частности, дополнить его положениями, содержащими основные элементы принципа правовой определенности.

Библиография

1. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 640 с.
2. Алаторцев А.Ю. Правовая определённость уголовно-правового запрета: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2018. 203 с.
3. Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права: монография / отв. ред. А.И. Чучаев. М.: Проспект, 2012. 144 с.
4. Бершицкий Э.Е. Правовая определенность и оценочные категории: Краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права. М.: М-Логос, 2021. 154 с.
5. Всеобщая декларация прав человека URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 12.03.2024).

6. Дмитриев Д.Б., Донская О.Г. Принцип равенства в уголовном праве России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 148-155.
7. Доклад о верховенстве права, утвержденный Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25–26 марта 2011 г.) // URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2011)003rev-rus) (дата обращения: 16.05.2024).
8. Должиков А.В. «Рукописи не горят»: неписанные права в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1 (98). С. 120–137.
9. Дядюн К.В. Принципы равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма: понятие и сущность в уголовном праве // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2 (40). С. 156-168.
10. Елинский А.В. Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3 (88). С. 159-176.
11. Жалинский А.Э. О конституционности уголовного законодательства Российской Федерации // Право и политика. 2003. № 6. С. 37–45.
12. Жигачев А.В. Защита конституционного принципа равенства прав и свобод человека и гражданина Конституционным Судом Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 24 с.
13. Кашепов В.П. (ред.) Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства. М.: Контракт, 2018. 280 с.
14. Комкова Г.Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека и гражданина в России: Понятие, содержание, механизм защиты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2002. 384 с.
15. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькин. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 1174 с.
16. Конституция Республики Армения 1995 года (с поправками 2015 года). URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Armenia_2015#s3 (дата обращения: 16.05.2024).
17. Конституция Республики Португалия 1976 года (с поправками 2005 года). URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Portugal_2005 (дата обращения: 16.05.2024).
18. Конституция Республики Сербия 2006 года. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Serbia_2006 (дата обращения: 16.05.2024).
19. Конституция Российской Федерации 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 16.05.2024).
20. Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права, принятый на 106-м пленарном заседании (Венеция, 11–12 марта 2016 г.). URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2016\)007-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2016)007-rus) (дата обращения: 16.05.2024).
21. Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) // СПС «КонсультантПлюс».
22. Нерсесянц В.С. Философия права. 2-е изд., перераб и доп. М., 2006. 848 с.
23. О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2955.
24. Основной закон Федеративной Республики Германии 1949 года (с поправками 2014 года). URL: https://www.constituteproject.org/constitution/German_Federal_Republic_2014 (дата обращения: 16.05.2024).
25. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. 353 с.
26. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 01-П от 11.01.2024 // СЗ РФ. 2024. № 4. Ст. 591.
27. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 02-П от 10.02.2017 // СЗ РФ. 2017. № 9. Ст. 1422.
28. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 02-П от 18.01.2024 // СЗ РФ. 2024. № 5. Ст. 763.
29. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 03-П от 25.04.1995 // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1708.
30. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 06-П от 25.04.2001 // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2408.
31. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 08-П от 27.05.2008 // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.
32. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 15-П от 13.07.2010 // СЗ РФ. 2010. № 29. Ст. 3983.
33. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 17-П от 20.12.1995 // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 54.

34. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 17-П от 25.04.2018 // СЗ РФ. 2018. № 19. Ст. 2812.
35. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 18-П от 17.06.2014 // СЗ РФ. 2014. № 26 (часть II). Ст. 3633.
36. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 20-П от 10.10.2013 // СЗ РФ. 2013. № 43. Ст. 5622.
37. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 21-П от 24.05.2021 // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3914.
38. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 22-П от 16.07.2015 // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4659.
39. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 39-П от 08.12.2017 // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7914.
40. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 53-П от 08.12.2022 // СЗ РФ. 2022. № 51. Ст. 9343.
41. Acemoglu D., Wolitzky A. A Theory of Equality Before the Law // *The Economic Journal*. 2021. Vol. 131. No. 636. P. 1429-1465.
42. Braithwaite J. Rules and principles: a theory of legal certainty // *Australasian Journal of Legal Philosophy*. 2020. Vol. 27. No. 2002. P. 47-82.
43. Kordela M. The Principle of Legal Certainty as a Fundamental Element of the Formal Concept of the Rule of Law // *Rev. Notariat*. 2008. Vol. 110. P. 587-605.
44. Maxeiner J. R. Some Realism About Legal Certainty in the Globalization of the Rule of Law // *Houston Journal of International Law*. 2008. № 31. P. 27-46.
45. Raitio J. *The Principle of Legal Certainty in EC Law*. Springer Science & Business Media, 2013. 469 с.
46. Robertson D. *A dictionary of human rights*. 2nd ed. London. Europa London, 2004. 346 p.
47. Tridimas T. *The general principles of EC law*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 377 p.
48. Whitman J. Q. Equality in Criminal Law: The Two Divergent Western Roads // *Journal of Legal Analysis*. 2009. Vol. 1. No. 1. P. 119-165.

The principle of legal certainty in the sphere of criminal law. The Russian approach

Gleb M. Bizyukov

Master's Student,
National Research University "Higher School of Economics",
101000, 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Bizyukov@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the disclosure of the concept and content of the principle of legal certainty, as well as approaches to its understanding in Russian and foreign science. The work also provides an analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning the understanding of the principle of legal certainty in relation to criminal law, considers the process of position formation, changes, starting from 1995 and ending with modern acts of the constitutional justice body. Comparison of the understanding of the principle of legal certainty in the science of Russian law, the positions of the Venice Commission and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation leads to the conclusion that there are significant differences between them and the need to formalize the principle in question in Russian legislation, including in criminal law norms. It is proposed to supplement the Federal Law of the Russian Federation "On the Introduction of the Criminal Code of the Russian Federation" with provisions

defining the content of the principle of legal certainty, in order to unify the approaches used.

For citation

Bizyukov G.M. (2024) Printsip pravovoi opredelennosti v sfere ugovnogo prava. Rossiiskii podkhod [The principle of legal certainty in the sphere of criminal law. The Russian approach]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (12A), pp. 299-311.

Keywords

Legal certainty, constitutional law, Constitutional Court of the Russian Federation, principle of equality.

References

1. Acemoglu D., Wolitzky A. (2021) A Theory of Equality Before the Law. *The Economic Journal*, 131 (636), pp. 1429-1465.
2. Alatorcev A.Yu. (2018) *Legal Certainty of a Criminal-Law Prohibition: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation*. Moscow.
3. Antipov S.A. (2012) *Constitutional Foundations of the General Part of Criminal Law: monograph* / ed. By A.I. Chuchayev. Moscow: Prospect Publ.
4. Avakyan S.A. (2015) *Constitutional Lexicon: State and Legal Terminology Dictionary*. Moscow: Yustitsinform Publ.
5. *Basic Law of the Federal Republic of Germany of 1949 (as amended in 2014)*. Available at: https://www.constituteproject.org/constitution/German_Federal_Republic_2014 [Accessed 16.05.2024].
6. Bershtsky E.E. (2021) *Legal Certainty and Evaluation Categories: A Brief Essay on the Example of Offenses in Various Branches of Law*. Moscow: M-Logos Publ.
7. Braithwaite J. (2020) Rules and principles: a theory of legal certainty. *Australasian Journal of Legal Philosophy*, 27 (2002), pp. 47-82.
8. *Checklist of questions for assessing compliance with the rule of law, adopted at the 106th plenary session (Venice, March 11-12, 2016)*. Available at: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2016\)007-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2016)007-rus) [Accessed 16.05.2024].
9. *Commentary on the Constitution of the Russian Federation (article by article)* (2011) / edited by V.D. Zorkin. 2nd edition, revision. Moscow: Norma, Infra-M Publ.
10. Dmitriev D.B., Donskaya O.G. (2021) The principle of equality in the criminal law of Russia. *North Caucasian Legal Bulletin*, 3, pp. 148-155.
11. Dolzhikov A.V. (2014) "Manuscripts Don't Burn": Unwritten Rights in Constitutional Justice. *Comparative Constitutional Review*, 1 (98), pp. 120-137.
12. Dyadyun K.V. (2015) Principles of Equality of Citizens Before the Law, Justice and Humanism: Concept and Essence in Criminal Law. *Leningrad Law Journal*, 2 (40), pp. 156-168.
13. Elinsky A.V. (2012) Constitutional Dimension of Criminal Law. *Comparative Constitutional Review*, 3 (88), pp. 159-176.
14. Kashepov V.P. (ed.) (2018) *Criminalization and decriminalization as forms of transformation of criminal legislation*. Moscow: Contract Publ.
15. Komkova G.N. (2002) *Constitutional principle of equality of human and civil rights and freedoms in Russia: Concept, content, protection mechanism: Doct. Diss. Abstract*. Saratov.
16. Kordela M. (2008) The Principle of Legal Certainty as a Fundamental Element of the Formal Concept of the Rule of Law. *Rev. Notariat*, 110, pp. 587-605.
17. Maxeiner J. R. (2008) Some Realism About Legal Certainty in the Globalization of the Rule of Law. *Houston Journal of International Law*, 31, pp. 27-46.
18. Methodological aspects of constitutional review (on the 30th anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation). *SPS "ConsultantPlus"* [SPS Consultant].
19. Nersesyants V.S. (2006) *Philosophy of Law*. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, 848 p.
20. On the introduction of the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 No. 64-FZ (as amended on 13.07.2015) (1996). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 25. Art. 2955.
21. Pokrovsky I.A. (1998) *Basic Problems of Civil Law*. Moscow: Statut Publ.
22. Raitio J. (2013) *The Principle of Legal Certainty in EC Law*. Springer Science & Business Media Publ.
23. *Report on the rule of law, approved by the Venice Commission at the 86th plenary session* (Venice, 25-26 March 2011).

- Available at: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2011)003rev-rus) [Accessed 16.05.2024].
24. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 01-P of 11.01.2024 (2024). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 4. Art. 591.
 25. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 02-P of 10.02.2017 (2017). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 9. Art. 1422.
 26. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 02-P of 18.01.2024 (2024). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 5. Art. 763.
 27. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 03-P of 25.04.1995 (1995). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 18. Art. 1708.
 28. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 06-P of 25.04.2001 (2001). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 23. Art. 2408.
 29. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 08-P of 27.05.2008 (2008). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 24. Art. 2892.
 30. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 15-P of 13.07.2010 (2010). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 29. Art. 3983.
 31. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 17-P of 20.12.1995 (1996). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 1. Art. 54.
 32. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 17-P of 25.04.2018 (2018). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 19. Art. 2812.
 33. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-P of 17.06.2014 (2014). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 26 (Part II). Art. 3633.
 34. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 20-P of 10.10.2013 (2013). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 43. Art. 5622.
 35. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 21-P of 24.05.2021 (2021). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 22. Art. 3914.
 36. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 22-P of 16.07.2015 (2015). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 30. Art. 4659.
 37. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 39-P of 08.12.2017 (2017). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 51. Art. 7914.
 38. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 53-P of 08.12.2022 (2022). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 51. Art. 9343.
 39. Robertson D. (2004) *A dictionary of human rights*. 2nd ed. London. Europa London,. 346 p.
 40. *The Constitution of the Republic of Armenia of 1995 (as amended in 2015)*. Available at: https://www.constituteproject.org/constitution/Armenia_2015#s3 [Accessed 16.05.2024].
 41. *The Constitution of the Republic of Portugal of 1976 (as amended in 2005)*. Available at: https://www.constituteproject.org/constitution/Portugal_2005 [Accessed 16.05.2024].
 42. *The Constitution of the Republic of Serbia of 2006*. Available at: https://www.constituteproject.org/constitution/Serbia_2006 [Accessed 16.05.2024].
 43. *The Constitution of the Russian Federation of 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> [Accessed 16.05.2024].
 44. Tridimas T. (2000) *The general principles of EC law*. Oxford: Oxford University Press.
 45. *Universal Declaration of Human Rights*. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml [Accessed 16.05.2024].
 46. Whitman J.Q. (2009) Equality in Criminal Law: The Two Divergent Western Roads. *Journal of Legal Analysis*, 1 (1), pp. 119-165.
 47. Zhalinsky A.E. (2003) On the Constitutionality of the Criminal Legislation of the Russian Federation. *Law and Politics*, 6, pp. 37-45.
 48. Zhigachev A.V. (2006) *Protection of the constitutional principle of equality of human and civil rights and freedoms by the Constitutional Court of the Russian Federation*: Doct. Diss. Saratov.